

The background of the cover is a dark, stormy landscape. A wooden swing set stands in the center, with a black hooded figure sitting on the swing. The figure's face is obscured by a black hood, with only two glowing red eyes visible. The sky is a deep blue with white clouds, and a bright, jagged lightning bolt strikes down from the top center, illuminating the scene. The overall mood is mysterious and ominous.

Дмитрий Каннуников

Чёрный дачник

и другие
мистические рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Каннуников

Чёрный дачник и другие мистические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42590813

SelfPub; 2019

Аннотация

В нашей жизни часто происходят вещи, которые мы не понимаем, но они... происходят. Этому трудно найти объяснения, люди, которые нас любят, помогают нам и после смерти, приходят во сне, подсказывают, как жить дальше, защищают от бед. В книге собраны мистические рассказы на разные темы, каждый рассказ – это отдельное произведение, со своей сюжетной линией. Содержит нецензурную брань.

Чёрный дачник

Далеко от Москвы, в ста километрах, находилось садоводческое товарищество «Яблонька». Участки давали работающим на одном московском заводе, брали неохотно, машин в начале 80-х было мало, а трястись на автобусе 3 часа, да потом по грунтовке 5 километров, чтобы насладиться прелестями природы, особо желающих не было. Но ... худобно 200 участков раздали. Ближайший город, вернее посёлок городского типа, был в 20 километрах, а в 4 километрах через речку Кобылку была деревня Кобылятино, дворов на 30-35. За мостик через эту речку была постоянная «войнушка» между деревенскими ребятами и приезжими городскими. Причём «вражда» эта передавалась из поколения в поколение, чертились схемы захвата моста, делались недалеко от моста схроны, копались землянки в лесу, иногда дружили, иногда снова ссорились. Бывало, что с утра «дачные» захватят мост и держат до обеда оборону, пока матери обедать не позовут, а после обеда соберутся – мост уже деревенские оккупировали. Взрослые из деревни относились к дачникам спокойно, даже радовались приходу лета, можно было продавать излишки молока и яиц за «живые» деньги, по осени мясо по сходной цене, да и в местном магазинчике прибыль была. Люди начинали ездить на дачи с конца апреля, когда дорога просыхала, тогда жизнь кипела, ходил автобус из посёлка, включали «летний» водопровод, а в октябре все уез-

жали в город и посёлок пустел. Проехать по раскисшей грунтовке можно было разве только на тракторе. Деревенские, тоже по негласному соглашению, туда не ходили, чтобы не портить отношения с москвичами.

Вместе со своими заводчанами получил надел в 6 соток и Иван Никодимович со своей супругой Валентиной. Они оба были родом из деревни, поэтому, несмотря на трудности с дорогой, ездили на дачу с удовольствием. Получали по тем временам хорошо, поставили кирпичный дом с печкой, баньку и предмет зависти всех соседей – стеклянную теплицу. Ивану Никодимовичу на даче нравилось. Спозаранку ходил на рыбалку, потом помогал жене в огороде, осенью ходили вместе по грибы. Лес был только со стороны дачных участков, а за речкой было ровное поле до самой деревни, грибов было много. Валентина всегда закатывала на зиму компоты, варенья, грибы, помидоры с огурцами, теплица давала хороший урожай.

Была у них дочка, Анечка, «пацан в юбке», как её звал отец. Она дружила с мальчишками, отважно защищала мост от деревенских, и была зачинщицей многих шалостей: то тарзанку сделают, то костёр разожгут и шифер в него бросят, то простыни белые оденут и ночью по посёлку бегают, людей пугают... Приходили жаловаться, но Никодимыч вздохнёт, посмотрит сурово на дочь, та ходит потом извиняется и говорит, что больше так не будет, а потом забывает и снова что-нибудь выдумывает.

Выросла дочь, окончила институт, вышла замуж и уехала с мужем на заработки на Север, там родила им внучку, Катеньку. Приезжали они редко, но раз в неделю звонили домой обязательно, а летом, когда были на даче, ходили в Кобылятино и заказывали с ними разговор на телефон председателя колхоза. Валентина очень скучала по ним, даже порывалась ехать в Сургут, но Никодимыч удержал, всё равно внучку привозили на целое лето раз в два года.

А однажды Валентины не стало. Пошла нарвать помидоров в теплицу, схватилась за сердце и села. Спохватился Иван Никодимович, вынес её из теплицы, думал тепловой удар, стал холодной водой лицо протирать, потом схватил и понёс в деревню, 4 километра на руках нёс, только перестала она дышать, как только мост перешёл, а фельдшер сказал, что умерла.

Много народу пришло на похороны, люди с завода, с дачи, дочка приехала с мужем и внучкой. Весь вечер вспоминали, какая была добрая и работающая его Валентина. Когда стали вспоминать покойную, встал сосед Витька Тихонов, ровесник Анюткин, и сказал:

– Иван Никодимыч, вот говорят все про тётю Валю хорошие слова, а я вспоминаю, как проснёшься рано утром на рыбалку, выйдешь во двор, а за забором вы с ней в две лопаты вскапываете огород, и так ладно у вас получается, друг за другом, главное – быстро, вы же с ней такие половинки, все вам завидовали, хорошая семья. А какие пироги она готови-

ла, какой вкусный квас у неё получался. Я хоть и маленький был, а всегда думал, мне б такую жену, но не встретил пока.

Все зашумели, выпили, и только сейчас понял Никодимыч, что потерял частичку себя, холод поселился в его сердце, холод поселился в душе, холод поселился в теле. Достал он на даче чёрный брезентовый плащ с капюшоном, так и ходил в нём всё лето. Видели его то копающимся, в огороде, то бредущим в деревню в магазин. Местные стали называть его чёрным монахом, а при встрече скрещивали пальцы. А ночью он выходил во двор, садился на качели, которые сделал давно для дочки, и смотрел в тёмное небо, на Луну и звёзды, вспоминал свою Валентину.

Взиииг-взаааг – скрипели несмазанные качели.

Шли годы, дочка так и не переехала в Москву, всё продлевала и продлевала договор, говорила надо денег побольше заработать, Катечке скоро в институт поступать, а Иван Никодимыч каждый год с весны до поздней осени пропадал на даче. Постарел сильно, морщины покрыли лицо, но каждую ночь выходил он во двор, садился на качели и смотрел на тёмное небо, иногда что-то бормотал, как будто разговаривал с кем-то.

Взиииг-взаааг – скрипели несмазанные качели.

Через год после смерти жены завёл себе собачку. Ну, как завёл. Шёл из деревни на дачу, слышит, кто-то жалобно скулит в кустах, присмотрелся, а там щенок, маленький, чёрный, с белыми лапками, как в чулочках, мокрый, замёрз.

Поднял он этот промокший комочек и засунул за пазуху. Принёс домой, оказалась сука, назвал её Жулькой. Стала Жулька его спутницей на все годы, пенсия была маленькая, он сам не всегда сытно ел, но для собаки всегда покупал кости, мясо и другие вкусности. Дом Жулька охраняла хорошо, но детей любила, бегала с ними купаться летом. Бегут они по улице, она посмотрит на Никодимыча, как будто разрешения спросит, а он ей: «Беги уж, чудо!», – и она радостно с ними убегает на речку. Только пьяных она не любила, почует, если пьяный по улице пойдёт, и лает-лает, остановиться не может.

– Никодимыч, ты домой не собираешься, а то смотрю, все уехали, а ты всё в огороде копошишься? Дорога размокнет, и я на джипе уже не проеду до декабря, – за забором стоял председатель товарищества Ванька Терехов. Появился он в посёлке лет 7 назад, купил участок у спившегося Генки Фролова, который в девяностые бросил работу, семью, продал «чёрным» риэлторам квартиру, дачу и пропал. Ванька оказался мужиком зажиточным, обнёс участок высоким забором, построил тёплый кирпичный дом, гараж, завёл злого «кавказца» по кличке Абрек, а через 2 года на общем собрании избрали его председателем садового товарищества. Он сразу развил бурную деятельность: привёз бригаду шабашников, и те построили насосную и водонапорную башни, а вот трубы по участкам тянули уже за деньги самих дачников, но скоро все поняли, что летний водопровод нужен – открыл кран и поливай огород, а раньше приходилось вёдрами тас-

кать из речки или колодца. В перспективе были дорога и газ. Он ездил по разным инстанциям, но пока было непробиваемо, за газ такие неподъёмные деньги запросили, как будто его из Китая поездами надо доставлять, а дорогу даже в Кобылятино не могли построить, хотя деревня и отмечена на карте, но осенью они жили как на острове, даже дети в школу не ходили.

Вообще-то Никодимыч Ваньку уважал, тот иногда ходил по участкам, собирал мнения садоводов о том, как наладить быт и часто заходил к Никодимычу домой попить чаю, пообщаться. Тогда-то и узнал, что у Ваньки, вернее у Ивана Андреевича в 50 километрах своя заправка, с которой он и живёт, а в посёлок планирует переехать и жить круглый год, поэтому и хочет наладить нормальные условия, а ещё как-то рассказал, что в «лихие девяностые» связался с дурной компанией. Решили они денег быстро заработать на одном коммерсante, но в последний момент, узнав, что всю семью «коммерса» будут «валить», решил «отыграть» назад, жалко стало детей, «повязал» он своих поделщиков и сдал в милицию. Дали ему год условно, а бандитам по 8 лет. Стали его травить в Брянске родственники «дружков», продал он квартиру и уехал в Подмоскowie. Купил старую АЗС по-дешёвке, помог этот самый «коммерс», отдал почти все деньги, даже бензин первое время в долг брал, всю прибыль вкладывал в заправку, только через 2 года стал зарабатывать и купил дачу у них в товариществе.

– Нет, Вань, я останусь на зиму, печка есть, дров заготовил, покушать тоже найду чего, так что уже весной увидимся.

– Я если что, через месяц заскочу, как снег ляжет и дорога подмёрзнет, ты Никодимыч ключ возьми от правления, там хоть телефон есть, наберёшь, если что, – и протянул старику бумажку с 10-значным номером, – это мой сотовый, звони через восьмёрку, как межгород.

– Спасибо, Вань, езжай уж, пригляжу за посёлком.

Так они и расстались.

Через месяц не получилось приехать. Погода была мерзотная, лили дожди, но температура опускалась только до минус одного градуса. Мороза не было, а соваться по такой погоде даже на джипе было чревато, там один раз трактор застрял, второй смог его вытащить только, когда земля промёрзла. Ближе к Новому году наконец-то ударили морозы, и Иван решил съездить на дачу, дом протопить, да и Никодимыча навестить. Подъехал к посёлку и сразу почуял неладное. Высоко, на одной ноте, протяжно выла Жулька, Абрек в багажнике тоже завыл. Ване стало страшно. Он набрал скорую и милицию, обещали приехать, но приехали только через 4 часа. Калитка была заперта, пришлось перелезать через забор. С какой-то яростью на него бросилась Жулька, он подставил под укус левую руку в перчатке, куда она и вцепилась зубами, правой рукой он погладил её по голове, и она сразу резко замолчала, на морде, от глаз шли 2 мокрые дорожки, как-будто от слёз:

– Жулечка, хорошая моя, ну что ты, что ты, что случилось? – гладил её Иван, а сам смотрел на дом, где горел свет. – Эй, Никодимыч!

Подошёл к дому, заглянул в окно:

– Э-э-эй!

В маленькой кухоньке, за столом сидел Никодимыч, уронив голову на стол.

– Э-э-эй! – Ваня постучал в окно, но уже было понятно, что дверь никто не откроет.

Зная, как у нас ведётся следствие, Ваня не стал взламывать дверь, а просто сел на крыльце, трясущимися руками достал сигарету и закурил. Когда через 4 часа приехали «скорая» и милиция, он так и сидел, привалившись к перильцам, а возле ног была гора окурков.

– Эй, мужик, ты кто? – дёрнул его за плечо милиционер.

– А? Закурить не найдётся? – хриплым голосом сказал Ваня.

– Не курю, ты кто?

– Сосед, приехал вот, он один оставался в посёлке, еды привёз, а тут..., – и заплакал.

Дверь вскрыли, за столом, уронив голову, сидел Никодимыч, печка была тёплой, в доме достаточно тепло, из-за чего следователь сразу исключил смерть от переохлаждения. На столе чай и чёрствые баранки, от голода тоже не умер. Эксперт-криминалист снял отпечатки, только Никодимыча, никого чужого в доме не было. Тело погрузили в «скорую» и по-

везли на вскрытие, а Ивана забрали в отделение, «до выяснения», правда, разрешили ехать на своём «Чероке», но посадили с ним участкового. Продержали сутки в «обезьяннике», не били и выводили во двор покурить. Составили протокол, а когда пришли результаты вскрытия, то отпустили. По результатам оказалось, что просто остановилось сердце: – Так бывает, старость, – сказал патологоанатом, который проводил вскрытие.

Хоронили Никодимыча на деревенском кладбище. Дочка приехать не смогла, нелётная погода, Иван нанял местных мужиков, которые выкопали в промёрзшей земле могилу, деревенский столяр сколотил гроб, 2 старухи плакали и выли, когда шли за гробом, а после похорон в деревенской избе накрыли стол и устроили поминки. Почти никто из деревенских не знал Никодимыча, поэтому все пили, а разговоры вели на насущные темы. Ваня не пил, посидел, а потом поехал к себе, где его ждали Жулька и Абрек.

Прошло 2 года, Аня наконец-то переехала жить в Москву, оформила наследство, устроилась работать бухгалтером в одну из фирм. Игорь пока жил на Севере, но тоже собирался переехать, Катя доучивалась последний год в школе, мама подыскивала ей институт в столице. На дачу летом приезжала со своей школьной подругой Ниной. Нина была в депрессии, её бросил второй муж. В глазах Ани она была очень несчастной по жизни. Надо сказать, что Нина работала в крупном столичном банке, получала хорошо, были у неё и

квартира, и машина, вот только с мужиками не везло. Тянуло Нину на красавцев-мачо, первого мужа она встретила в ночном клубе, был он стриптизёр, сразу согласился поехать к подвыпившей даме домой после своего выступления, а наутро, как «честный человек», сделал предложение, от которого Нина не смогла отказаться. Она работала днём, он работал по ночам, и однажды без предупреждения приехав на обед домой, Нина застала своего благоверного с молоденькой девицей. Очень расстроилась, повернулась и выбежала из квартиры, поехала на работу, а вечером её ждал сюрприз. Мужа она уже не застала, зато с мужем пропали деньги и драгоценности из сейфа, из гаража пропала машина. Осталась записка, что любовь прошла, он уходит и берёт половину нажитого совместного имущества, на квартиру не претендует. То, что они женаты были 2 месяца, наверное, всё объясняло. Она подала на развод. Второй муж был «светский лев», высокий красавец-блондин, который любил вечеринки, но очень не любил работать. Встретила она его на одной вечеринке у знакомых. Хозяйка дома решила устроить её личную жизнь, познакомила их. Он улыбался белозубой улыбкой (130 тысяч отдал, небрежно уведомил он), был, казалось, вершиной остроумия, весь вечер рассказывал анекдоты, незатейливо поддерживал беседы на любые темы. «Вот тот мужчина, с которым можно свить гнёздышко», – подумалось ей.

В конце вечера он ненавязчиво напросился в гости, она была не против, правда в постели напрягалась только она.

Утром он принёс ей кофе в постель, она опять понапрягалась, чтобы получить утренний оргазм и поехала на работу. Он, оценив интерьер, узнав, где она работает, сделал ей вечером предложение, с цветами и шампанским, купленными, как потом оказалось, на деньги, занятые у приятеля. После того как расписались (не надо никаких излишеств) и провели медовый месяц в Турции, в пятизвёздочном отеле (у меня все деньги в бизнесе, я потом отдам), он объявил, что он хочет от неё ребёнка, но чтобы ребёнок рос в достатке, он должен заработать много денег. Партнёр, с которым он работал, его кинул, присвоив все деньги на иностранных счетах и офшорах, но если она у себя в банке возьмёт кредит, то он «отобьёт» его через месяц и даже утроит. Конечно, она поверила (как не поверить), конечно, она взяла кредит, а он взял деньги и, якобы, улетел в Германию, где у него, якобы, был прибыльный бизнес. Встретила она его случайно в Москве, стоял он пьяный у казино и ловил такси. Она осталась, он сел, сразу её не узнал, а потом начал рассказывать, что вернулся срочно из Италии, где у него бизнес, потому что тяжело заболела мама. Он всё продал, даже квартиру в Москве, чтобы оплатить её дорогостоящее лечение за границей, но мама всё равно умерла, а он упал на дно, спился, потерял всё, и... может, они поедут к ней... . Она быстро сориентировалась, отвезла незадачливого пьяного Казанову в ближайшее отделение милиции, написала заявление, что он вынудил взять её кредит, а там оказалось, что его разыс-

кивают как минимум по 5 таким же эпизодам по всей России. Короче, развелись. И Нина уже готова была отчаяться и запить горькую, но тут в Москве появилась школьная подруга Аня. Они встретились, посидели в ресторане, вспомнили школьные годы и решили не теряться. По выходным встречались, гуляли, ездили на дачу, Аня тоже скучала по семье, которая осталась на Севере.

Однажды летом, когда они с Ниной были на даче, к ним вечером зашли соседи с маленькой дочкой. Пока они сидели в доме и пили чай, девочка играла во дворе. Аня вышла на крыльцо посмотреть, что она делает, и увидела, как девочка стоит у качелей и с кем-то разговаривает. Качели еле-еле раскачивались. Аня подошла поближе и услышала:

– Дедушка, а у тебя есть внучка? – дальше тишина, как будто девочка прислушивается к кому-то. – А как её зовут?

– Ты с кем разговариваешь? – спросила Аня.

– С дедушкой, – повернулась к ней девочка и показала на качели. – Вот он.

Она повернулась:

– Ой, а куда он ушёл?

Поздно вечером Аня вышла во двор и села на качели. Ей стало грустно, она вспомнила маму, папу, как отец сделал эти качели для неё, как она плохо поступила, что не приехала даже на похороны, что папу надо было хоронить рядом с мамой. Она расплакалась и даже не заметила, как качели раскачивались всё сильнее и сильнее, как папа раскачивал

её в детстве. Она испугалась и зажмурилась, а качели стали постепенно останавливаться.

Взйииг-взаааг.

– Надо будет смазать, – подумала она, но на следующий день забыла об этом.

Новый год решили отметить на даче. У Нины был «паркетник», решили, что если даже застрянут, то ХХІ век на дворе, у всех сотовые телефоны, потеряться очень сложно. Прилетела Катя, а Игорь остался продавать квартиру в Сургуте и упаковывать вещи, которые надо будет забрать в Москву. В новом году семья должна была воссоединиться, и Аня очень радовалась этому. «Жалко родители не дожили», – иногда думала она. Заехали в магазин, закупили продуктов на неделю, взяли ящик шампанского. Настроение было предпраздничное. Проехали нормально. Пару раз чуть не застряли в колее, но пронесло. Приехали, протопили дом, в баню решили пойти на следующий день, занялись приготовлением салатов. Стемнело рано, вдруг в дверь постучали:

– Нина, открой, Дед Мороз, наверное, – весело крикнула с кухни Аня.

– Сейчас, – Нина открыла дверь, и тут же влетела в комнату от сильного удара по лицу.

– А-а-а-а, – закричала Катя, в дом ввалились три мужика и стали их бить и связывать...

Иван Терехов утром, перед Новым годом заехал на «за-

правку».

– Здравствуйте, Иван Андреевич, – кассир Лена вежливо улыбнулась.

– Всё нормально, без происшествий?

– Да, слава богу, народ едет, заправляются, у нас дешевле, чем у соседей. В гостинице шесть номеров заняты из восьми, поляки решили Новый год здесь встретить. В магазин вчера товар завезли, думаю, на праздники хватит, кафешку тоже продуктами затарили. Вам оставить номер, вы с нами Новый год празднуете?

– Нет, на дачу поеду, инкассация приезжала?

– Да, у них сегодня короткий день, забрали вчерашнюю выручку.

– Ладно, пойду Василия предупрежу и поеду.

Он зашёл к себе в кабинет, вернее кабинетик, 3 на 3 метра, где стояли стол с компьютером и небольшой стеллажик с папками, где хранилась отчётная документация. Открыл потайной сейф в стене, достал конверт с деньгами, чёрный на всякий случай, мало ли, налоговая или проверяющий какой, может, срочно докупить что надо, на рынок съездить. Отсчитал 75 тысяч. В 7 конвертов положил по 5 тысяч, остальное в портмоне. Спустился вниз. Зашел к Лене, дал ей конверт:

– С Новым годом!

– Спасибо! И вам хорошо отметить.

Потом зашёл в гостиницу, дал по конверту охраннику Ва-

силию, администратору Аллочке, уборщице Галине Викторовне, зашёл в кафешку, вручил по конверту повару Антонине и официантке Любе. Последний конверт отдал заправщику Мише. Вот такой нехитрый штат. Жили они на заправке. Лена и Василий были женаты, Галина Викторовна – их мама, а Алла дочь. Миша и Антонина тоже были молодой парой. Все они – беженцы из Приднестровья. Иван приютил, дал им жильё и работу, и более преданных людей не было на свете. Дал последние указания по работе в новогодние праздники, положил в машину пакет с костями для Абрека и Жульки, которую оставил у себя, и второй пакет с приготовленными Антониной вкусностями для новогоднего стола и тронулся в сторону дачи. Он даже не обратил внимания на старый «жигуль», которые ехал за ним до поворота на просёлок. Приехал домой, открыл ворота, загнал машину. Абрека, которого держал в большой, специально сваренной из толстой арматуры клетке, решил пока не выпускать во двор, зашёл, положил ему костей, Жулька просто жила во дворе, в маленькой конуре, ей тоже досталось косточек с мясом. Затопил печь. Пока дом протапливался, заварил крепкого чаю и достал из пакета пирожки с картошкой и мясом, его любимые, Антонина очень вкусно их пекла. Включил телевизор и стал в очередной раз смотреть «Иронию судьбы». Вдруг во дворе залаяли Абрек и Жулька, лаяли громко и злобно, Жулька завизжала и замолчала. Иван сорвал со стены ружьё, вогнал 2 патрона, открыл дверь и вышел во двор. Увидел таджика,

который шёл на него с окровавленной трубой, увидел лежащую окровавленную Жульку:

– Ты кто? – Иван вскинул ружьё, дальше в голове как будто взорвалась граната.

Сом и Кока «откинулись» в мае. Восемь лет от звонка до звонка. В «лихие девяностые» они покуралесили по Брянщине. Числилось за ними и убийства, и вымогательства, но доказать не могли, хорошо заматали следы, а вот на последнем «коммерсе» в конце девяностых прокололись, вернее, прокололись с выбором напарника. Кока предложил Тереха, здорового парня, качка. С виду тупой, он быстро просёк, что придётся валить и «коммерса», и жену его с детьми, да и от него самого, скорее всего они бы избавились, как от свидетеля. Вырубил он одного, потом второго и сдал ментам. Если бы его кинули в СИЗО, там бы его и «кончили», только менты его как пособника отпустили под подписку. Он и был главным свидетелем на суде, с его слов им и впаляли «восьмерик». Сом – кряжистый невысокий мужик, с приплюснутым черепом, большими губами и большим сплюснутым носом, внешне напоминал эту рыбу, хотя кличку получил в школе от инициалов – Сергей Олегович Меркулов. На зоне его звали Меркулом, но Кока по привычке Сомом. Кока – не потому, что кокаинщик, а потому что Костя. Кокой его в детстве звала мама, в школе его тоже так звали, вот и осталось на всю жизнь, невысокий, верткий, чернявый мужичок. Сидели

они на одной зоне, были в одном отряде, даже шконки у них были рядом. За восемь лет они придумали много чего, что сделают с Терехом, когда до него доберутся.

На воле их встретил Ренатик, худосочный, вертлявый татарин, который не замолкал ни на минуту. Он «откинулся» год назад, был должен друзьям, они помогли ему на зоне, когда того хотели «опустить», как бывшего мента. Сидел он за взятки, брал у всех, так как занимался экономическими преступлениями, но не все дела закрывал, на чём и попался. Сдал его один предприниматель, его и взяли на горячем. Он по своим каналам уже пробил, куда переехал Терехов, они бы сразу рванули мстить, но главным вопросом были деньги.

Ренатик устроил их в одну шарашку, которая строила коровники в дальнем Подмоскowie, как раз недалеко от того места, куда переехал Иван. «Пахали» они почти полгода, а денег заработали только на подержанный «жигуль»-девятку, который купили по доверенности у одного спившегося деревенского мужика. Ещё они приютили таджика, он пристрастился к «беленькой». Когда напивался, вёл себя непотребно, и соотечественники его выгнали из вагончика, где они жили, на что Садык напился и обещал их убить.

Сом собрал Коку, Ренатика и Садыка:

– Перед Новым годом у него наверняка «чёрного» нала будет куча, надо на бабло его кинуть, а самого кончить, сейчас не «девьяностые», менты по ветру нос держат, но уйдём по-чистому, подкараулим его, до хаты доведём, там дожмём.

Думаю, бабло у него на хате, вряд ли он его в банк сдаёт.

– Так и решим, – сказал Кока.

– Э, брат, давай перед отъездом с таджик разберёмся, – сказал Садык, по-русски он говорил почти без акцента, так как на родине ходил в русскую школу.

– Э, брат, это твои дела, – сказал Ренатик, – нас не впутывай.

Перед отъездом Садык подпёр дверь вагончика, где жили его соотечественники, облил соляркой и поджог. В машине достал бутылку водки из кармана, выпил залпом и стал горланить песни на своём языке.

– Заткни его, – сказал Сом Коке, котрый ехал на заднем сидении рядом с Садыком.

– Слышь, заткнись, а.

– Э, я брат свой убил, родственник, а ты заткнись, да, – Садык начинал заводиться.

– Заткнись, – сказал Сом.

– Да пошёл ты, э, мудака сраный.

– Притормози, – сказал Сом Ренатику, который был за рулём, тот послушно съехал на обочину.

Сом неторопливо вылез, открыл заднюю дверь и вытащил за шкурку щуплого таджика:

– Ты чего это, сука, базланишь тут. Чурка злоебучая. Кто тебя просил этих мудаков жечь?

– Шайтан попутал, не хотел я, шайтан попутал.

– Вот сиди, хлебало завали и кайся, но про себя, чтоб я

тебя не слышал, понял?

Садык закивал.

Чтобы получше проняло, Сом двинул ему в солнечное сплетение и засунул назад в машину.

– И запомните, сейчас жизнь другая, «вышки» нет, делай что хочешь. Если адвокат будет хороший – так, «пятнашка» или «четвертной», а так, даже если пожизненно, всё равно жить будешь. Поехали. Всё это тужа, муки совести, мудовые рыдания. Мы с Кокой как-то заказ взяли на одного лесника. Мешал он братве лес рубить и полякам продавать. Нас один местный к нему привёл, Гридя, думал, дурак, что мы пуганём и отвалим. Но мужик пуганный был, матёрый. Жил на заимке у себя. Мы ночью ввалились, всю семью повязали, жена, две дочери и малой пацанёнок. Кока ему сразу из обрезка ноги прострелил, чтобы не дёргался. Всем рты позаклеили, баб по кругу, на малую сил не хватило, так Кока ей в жопу кочергу засунул, она живая была ещё, когда дом подожгли. Да и сам мужик орал так сильно, что из глаз кровь пошла, мы ж сына его почти нашинковали при нём. Огонь всё списал, а Гридя с «катушек съехал», рванул в лес, мы его догнали и «кончили», закопали в лесу. Я так понимаю, менты на него всё и списали.

– Помню это дело, кипез был, из Москвы следаки приезжали, списали-то на местного, Гриднева, а дело всё равно не закрыли там, по-моему, награда ещё назначена, – сказал Ренатик.

Сом, как-то тяжело на него посмотрел, что Ренатику стало неудобно, как будто холодом обдало.

«Будет рыпаться, кончим, а вообще надо кровью повязать», – подумал Сом. А вслух продолжил:

– Так вот, мужик мне этот не снился, Коке тоже, да и другие, так что хрень всё это, совесть-моветь. Ты Садык водки напейся, и всё пройдёт.

– Да он и так уже, – сказал Кока и показал на Садыка, который спал, пустив слюну на воротник куртки.

Приехали они на заправку ночью, заправились, гостиницу брать не стали, мало ли, вдруг наткнутся на Тереха, ночевали в машине, в лесу, недалеко от АЗС. Утром подъехали, заправились ещё раз и отъехали на удаление, откуда было видно, что творится на заправке. Ренатику повезло, его отправили посидеть в кафешку, заодно посмотреть, что и как. Терех приехал утром, Ренатик его сразу срисовал, здоровый такой детина на «Чероки». Побыл недолго, походил, всех поздравил, забрал какие-то пакеты и поехал. Ренатик добежал до машины, прыгнул за руль:

– Вот он, – показал на машину Сому.

– Давай за ним, только не отсвечивай.

Через сорок минут «Чероки» свернул на просёлочную дорогу, «жигуль» сунулся за ним и сел в колею.

– На этой шайтан-арбе не проедем, – резюмировал Садык.

– Тогда пешком, не может он далеко ехать, – сказал Сом, – тут или деревня, или посёлок дачный, если бы город, то доро-

га нормальная была бы. Хорошо, значит, людей будет немного, судя по следам, тут одна или две машины проехало.

Шли по следу 2 часа, начало темнеть, увидели посёлок, понаблюдали из леса. Центрального освещения не было, в домах свет не горел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.